

Суслов Андрей Борисович

ИЗЪЯТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

В статье рассматривается процесс изъятия собственности у крестьян в ходе кампании "ликвидации кулачества как класса" в начале 1930 г. Детально описываются проявления произвола при изъятии имущества у крестьян в Пермском крае. Анализируются директивы региональных партийных органов по конфискации имущества "кулаков". Выявляется связь произвола при проведении "раскулачивания" на местах и сталинской политики, направленной на изменение социальной структуры советского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF ORGANIZATION OF STATE CONTROL OVER AUTONOMOUS ENTITIES

Vitalii Mikhailovich Stadnik

Department of Social-Political Sciences
Odessa Regional Institute of State Administration, Ukraine
istratov@ukr.net

The author considers state control experience by the example of the autonomies of the Aland Islands as a part of Finland, Greenland and the Faroe Islands as the parts of Denmark, the Azores Islands and Madeira as the parts of Portuguese, Corsica as a part of France; researches the status, powers and functions of the institutes of the Governor at the Aland Islands, the Representative of the Republic at the Azores Islands and Madeira, the High Commissioner of the King in Greenland and at the Faroe Islands, the Prefect of Corsica, and determines the features of state control in administrative and political autonomies.

Key words and phrases: autonomous entities; state control; surveillance; public authorities; decentralization; self-government.

УДК 908(470).082

Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс изъятия собственности у крестьян в ходе кампании «ликвидации кулачества как класса» в начале 1930 г. Детально описываются проявления произвола при изъятии имущества у крестьян в Пермском крае. Анализируются директивы региональных партийных органов по конфискации имущества «кулаков». Выявляется связь произвола при проведении «раскулачивания» на местах и сталинской политики, направленной на изменение социальной структуры советского общества.

Ключевые слова и фразы: «раскулачивание»; собственность; советская деревня; репрессии; Пермский край.

Андрей Борисович Сулов, д.и.н., доцент

Кафедра новой и новейшей истории России

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

absuslov@gmail.com

ИЗЪЯТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕРЕВНИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)[©]

Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», номер темы 2.1.2.

В социальной трансформации советского общества в 1930-е гг. немаловажную роль сыграло глубокое вмешательство власти в институт собственности, в частности, широкомасштабное «раскулачивание» крестьянских хозяйств. Исследование этих процессов на региональном уровне позволяет предельно конкретно проанализировать политику советской власти в отношении крестьянства, которую вполне можно охарактеризовать как репрессивную.

Вопрос об изъятии крестьянской собственности в ходе «раскулачивания» весьма подробно отражен в современной отечественной историографии [8; 10], а также в сборниках документов, среди которых исключительное место занимает «Трагедия советской деревни» [19]. Алгоритмы проведения «раскулачивания» на региональном материале представлены в трудах уральских историков и в нескольких документальных публикациях [9; 14-17]. Автор также не оставил эту тему без внимания [18].

В современных исследованиях проблемы важное место должны занять устные источники. Массив воспоминаний очевидцев демонстрирует, что в их памяти о трагических событиях начала 1930-х гг. наиболее ярко отпечатались картины грабительского «раскулачивания». Отложившиеся в архивах документы различного характера вполне коррелируют с нарративными источниками.

Политика ликвидации социального слоя крестьян-собственников последовательно проводилась в 1927-1929 гг. в первую очередь за счет усиления налогового давления, приводившего к разорению зажиточной части деревни. Значительная часть крестьян потеряла большую часть своей собственности в ходе форсированной коллективизации, начавшейся осенью 1929 г., приводившей к обобществлению как всех средств производства крестьян, так и почти всего личного имущества, включая домашнюю птицу, продукты и т.д.

На 5 января 1930 г., когда ЦК ВКП(б) объявил о переходе к «ликвидации кулачества как класса», крестьянских хозяйств в СССР, причисленных к «кулацким», по официальным оценкам, числилось от 1–2 до 3–4%. В историографии довольно давно устоялась оценка, что «раскулачивание» коснулось значительно большего количества хозяйств, чем значилось как «кулацкие» и «зажиточные».

Примечательно, что официальные установки на подавление именно «кулачества» очевидным образом противоречили репрессивным разрядам, спущенным в регионы. В результате, несмотря на ряд директив о недопустимости «раскулачиваний» бедняков и середняков, в действительности «раскулачивали» и выселяли часто и тех, кто даже по выработанным критериям никак не мог быть причислен к «кулакам». Так, в информационном письме Верхне-Камского окружкома ВКП(б) в Уральский обком партии о ходе коллективизации и раскулачивания в округе по состоянию на 27 марта 1930 г. отмечалось, что «часто попадали в списки выселяемых такие “кулаки”, у которых 8 человек семьи, одна корова, одна лошадь, и платит 8 рублей налогу, есть беднее» [6, д. 276, л. 68].

Кампания по «ликвидации кулака как класса» проводилась в спешке. Она естественным образом привела к массовым злоупотреблениям на местах, поскольку проводилась, как признавалось в секретной телеграмме Пермского окружкома ВКП(б) и Пермского окрисполкома от 22 января 1930 г., «методами голого администрирования, партизанскими наскоками». В ряду злоупотреблений указывалось на проведение конфискаций в середняцких или бедняцких хозяйствах, конфискации предметов личного потребления, конфискации без описи, проведение выселений не уполномоченными на то органами или лицами (т.е. не судебно-административными органами) или без постановлений общих собраний земобществ или колхозников, или при отсутствии кворума. Райкомы и райисполкомы получили наставления о недопущении «самоликвидации кулака, его выезда из пределов деревни, села, района». Их нацеливали «отбирать» подписки о невыезде впредь особого распоряжения, указывалось, что «выселению подлежит все семейство в целом» [5, д. 124, л. 3-4].

В телеграмме Уральского обкома ВКП(б) и Уральского облисполкома председателям Пермского и Сарапульского окрисполкомов от 23 января 1930 г. (тоже секретной) подробно разъяснялось, что имеется в виду под «самоликвидацией кулака»: распродажи, «уничтожение кулаками скота, инвентаря, строений, фиктивная передача в другие хозяйства под видом дарения родственникам, знакомым и даже умышленные поджоги с целью получения страховой премии». Парторганизации и органы советской власти на местах обязывались предупредить уничтожение «кулаками» своего имущества [Там же, л. 4-5].

В подобных документах поражает исключительная убежденность партийных и советских руководителей в высшем праве власти отчуждать собственность крестьян. В этой парадигме всё, что создали крестьяне, попавшие в «черные списки», после принятия соответствующих директив (обычно, секретных), уже не являлось имуществом владельцев. Логично, что и крестьянину отказывалось в свободе распоряжаться самим собой.

Формально-правовое основание «раскулачивания», само по себе являющееся свидетельством советского правового нигилизма, появляется лишь 1 февраля 1930 г., когда вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», которое устанавливало, что «Конфискованное имущество кулацких хозяйств, за исключением той части, которая идет в погашение причитающихся с кулаков обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам, должно передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз» [13]. Заметим, что это постановление лишь оформило юридически волю Сталина и его соратников, выраженную в секретном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [12].

К выселению «кулачества» на местах стали готовиться раньше. В Прикамье подготовка «раскулачивания» началась 18–22 января 1930 г., после получения директив от окружных и районных партийных и советских органов. После спешного составления списков и характеристик на «кулаков» деревенские коммунисты и комсомольцы, а также организованные группы бедноты занялись проведением обысков и конфискаций, которые в некоторых местах получили номинальную легитимацию в виде постановлений колхозов или собраний сельских жителей, в некоторых – нет. Как правило, эти группы, да и местные руководители, приступая к «раскулачиваниям», не отдавали себе отчета, что впоследствии могут появиться инструкции, регламентирующие их деятельность. Таким образом, директивы политического руководства о «ликвидации кулака», в которых отсутствовала должная регламентация, предопределили начавшийся произвол.

Классическим примером произвола при проведении конфискаций «кулацкой» собственности стали «медянские раскулачивания». Изъятия имущества в селе Медянка Уинского района, начавшиеся 18–19 января 1930 г., превратились в настоящие ночные грабежи. По постановлению оперуполномоченного Пермского Окроддела ОГПУ, члена бюро Уинского райкома ВКП(б), одновременно начальника адмчасти Уинского РИКа С. Д. Дудина видно, что он дал установку активистам описать и изъять все имущество, подчеркнув, что «к делу нужно отнестись по-ударному – лучше перегнуть, чем недогнуть». В результате у зажиточных крестьян и у некоторых середняков отобрали весь инвентарь, все продовольствие, предметы быта. При этом имущество изымалось без должной заботы о сохранности и частично присваивалось экспроприаторами [5, д. 18, л. 164, д. 131, л. 45 – 45 об.].

«Имущество отбиралось всё, вплоть до женских кос (волос), детских рубашек, спринцевальных кружек, чайных чашек, ложек, портянок и постели, причем у некоторых изъятые были все продукты, без оставления печеного хлеба и муки, часть продуктов съедалась на месте лицами, производящими раскулачивание, – докладывал окружному прокурору ст. следователь прокуратуры А. И. Александров. – С раскулачиваемых снималась насильно одежда и обувь в рваной одежде, в чулках, худых опорках, спать по изъятию имущества раскулачиваемым приходилось на голых досках, а пить из соседских чашек... За счет кулацкого имущества производился ряд свадеб с наделением в виде приданного из конфискованного имущества»

[Там же, д. 124, л. 112-115]. Как сообщала курсантка совпартшколы Тюрина в Пермский ОК ВКП(б), на замечания комсомольского актива, что лучше бы агитировать крестьян в колхоз через массовые читки агитстатей в избе-читальне, местные власти отвечали: «...некогда сейчас читать, надо раскулачивать и выселять. После отберем церковь и там почитаем» [Там же, л. 34, 34 об.].

Изъятия имущества проводились тотально и безжалостно. В памяти В. П. Кропоткиной навсегда запечатлелось, как это происходило: «Все забрали, все, что было. Еду забрали. На доске было насеяно сколько-то муки... Хлеб пекли и из картошки, и из травы. И даже эту муку ссыпали с доски. Оставался один мешок гороха, мама на него села и меня на руках держит. А все равно ее стащили с мешка и все унесли...» [4, с. 40-41].

Часто наряду с конфискацией производилось уничтожение имущества, которое нельзя было изъять. «У нас за домом даже фруктовые деревья вырубали», - вспоминала В. П. Кропоткина [Там же, с. 40].

Точный алгоритм «раскулачивания» местные работники получили только в начале февраля 1930 г. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. предусматривало конфискацию имущества кулаков особыми уполномоченными райисполкомов с обязательным участием с/совета, председателей колхозов и батрацко-бедняцких групп, точную опись и оценку конфискуемого имущества, передачу конфискованного имущества в колхозы и т.д. [12]. Установки Постановления развивались в директивах региональных партийных органов. Так, секретарь Пермского окружкома ВКП(б) Л. И. Мирзоян 2 февраля 1930 г. в секретной телеграмме разъяснял секретарям райкомов, каким должен быть порядок конфискации имущества «кулаков». В телеграмме указывалось, что решения о конфискации и выселении кулаков первоначально должны принимать сельские сходы. Их решения должны утверждать сельсоветы, затем райисполкомы и, наконец, окрисполком. Конфисковать имущество у середняков и выселять их категорически запрещалось. При проведении конфискаций предписывалось оставлять «кулакам» одежду, обувь и необходимую домашнюю утварь, продовольствие не менее чем на два месяца, лесозаготовительный и строительный инструмент. «Конфискованное имущество по актам передается колхозам как ссуда от государства», - указывалось в телеграмме. - «Все, подлежащие выселению, передаются в ведение органов ГПУ» [5, д. 124, л. 33].

Однако и в феврале оставалось отношение местных властей и сельских активистов к «раскулачиванию» как к способу перераспределить имущество зажиточных крестьян, поживиться чужим добром, свести счеты, показать свою власть, издеваясь над односельчанами.

Практически «раскулачивание» проводилось как тотальное ограбление: изымались все имущество, одежда, домашняя утварь, продукты питания. Зафиксированы случаи снятия с выселяемых даже шапок и валенок. М. М. Вахрамеева на всю жизнь запомнила, как проводивший «раскулачивание» комсомолец отбирал у нее любимую игрушку: «Сижу я, играю, вдруг подходит ко мне один из комсомольцев, смотрит на меня так пристально. И вдруг хватает мой чайничек и выкидывает его обратно под крыльцо. Я не поняла сначала, что это такое, взрослый дядя и вдруг игрушки у меня забирает. Только он отвернулся, я спрыгнула снова с телеги и побежала за чайничком, взяла его и сижу довольная, играю. Подходит он снова, забирает игрушку и перекидывает ее через забор, мол, чтобы подобрать не смогла» [3, с. 63-64].

Распоясавшиеся активисты выгоняли хозяев из дома, растаскивали имущество, одежду, утварь, съестное, медикаменты, косметику, дамские шпильки, пудру, шнурки. Дома изгнанных, часто на основании устных распоряжений местных руководителей разного ранга, отдавали бедноте. «Мне кажется, это не советская власть, а преступники», - дает оценку подобным действиям пережившая в детстве «раскулачивание» А. М. Моисеева [4, с. 60].

Процесс экспроприации «кулаков» был также способом раскола деревни, т.к. имущество раскулаченных фактически делилось между односельчанами, что особенно возбуждало алчность «голытьбы» и стимулировало ее активность.

Так, согласно докладной записке следователя А. И. Александрова окружному прокурору, колхозные «активисты» делали упор на массовое запугивание. Под видом «кулаков» высылали середняков и бедноту, высказывавшихся против колхоза. По пять раз обыскивали крестьянские дома, изымали продукты, оставляя по пуду хлеба на месяц. Грабили и раздевали до белья. Часть имущества делили между собой и комсомольским активом. Запугиваниями склоняли к сожительству раскулачиваемых женщин [5, д. 124, л. 109-115].

Стремление к наживе вместе с ощущением безнаказанности вытравило из сознания многих сельских жителей представления не только о правовых, но и о моральных нормах. В беспардонном грабеже своих односельчан приняли участие и те, кто каким-либо образом представлял власть (председатели колхозов, секретари партячеек, начальники милиции и т.п., даже «избачи»), и те, кто претендовал на роль обласканного социального слоя (беднота). К примеру, в марте 1930 г. председатель Чисто-Переволочного сельсовета Черновского района, Сарапульского округа остановил на дороге бедняка того же сельсовета (кстати, члена колхоза) и отобрал у него 5 фунтов масла и 6 пудов хлеба, которые он повез своим дочерям, работающим в г. Перми [16, с. 96]. Член Павловского сельсовета Очерского района Бояршинов 20 февраля 1930 г. организовал особые бригады для производства повальных обысков, отобрал у 16 домохозяев масло, яйца, сметану и белую муку и устроил общий завтрак [5, д. 124, л. 50].

Кочевский парторганизатор П. И. Гладиков докладывал, что в ходе конфискаций имущества у кулачества в Кочевском районе в начале февраля 1930 г. «отдельные работники допустили ряд грубейших искривлений директив», например, «в с. Кочеево под руководством уполномоченного РК секретарем РК ВЛКСМ тов. Баяндиным съедено из печи мясо», «В Юксееве председатель с/совета унес часы для сельсовета. Там же съели масло, участниками были и комсомольцы, одна женщина начинала брать сито, говоря, что “у меня нет сита” и т.д.» [7, д. 404, л. 261 об.].

Показательно стремление сельских активистов отобрать у крестьян все продукты, не считаясь с их нуждами. Чувство безнаказанности часто порождало циничное нежелание даже скрывать низменные личные интересы. Так, последующими проверками было установлено, что уполномоченный Уинского райисполкома и райкома ВКП(б) Чалов «производил принудительно изъятие скота и хлеба с повальными обысками без ведома членов двора, давал распоряжения на производство и изъятие продуктов: мяса, масла, яиц и т.д., вплоть до рыбы», «секретарь Седянской комсомольской ячейки Серовиков Филипп при раскулачивании съедал продукты, накладывая даже яйца себе в карман», «инспектор УРО в Уинском районе Шляпников А. Д. (член ВКП(б)) пользовался кулацким самоваром», «уполномоченный окротдела ГПУ Бердников носил изъятые пальто» и т.д. [5, д. 124, л. 112–115].

Местные власти часто поощряли полное изъятие продуктов у крестьян. В докладной записке следователя А. И. Александрова значится: «Характерная директива Уинскому РИКу дана Окрисполкомом от 1 марта 1930 г. за № 4-4, в коей пункт 4-й говорит: “Немедленно полностью возьмите мороженое и соленое мясо кулацких хозяйств, разверните шире общественную работу о запрещении потребления мяса крестьянством впредь до выполнения возложенного нашего плана заготовок” (подчеркнуто в документе – А. С.). На основе данной директивы Уинским РИКом была дана директива на места» [Там же].

Описанный в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. способ определения «кулаков» 2-й и 3-й категории отчетливо демонстрирует подход политического руководства к «раскулачиванию» как методу «социальной инженерии», а не как к публично заявленной форме борьбы с врагами советской власти: крестьянские хозяйства становились «кулацкими» в соответствии с порайонной разверсткой. Объективные признаки предполагалось привязывать к конкретным хозяйствам уже потом: руководителям собраний бедняков или колхозников, выполняя эту разверстку, необходимо было проявить свою смекалку при проведении собраний, либо, на худой конец, при составлении их протоколов.

В развитие названного Постановления Политбюро 4 февраля 1930 года появилась секретная инструкция Президиума ЦИК СССР, в которой, помимо конкретизированных указаний о выселении «кулаков», предписывалось конфисковывать у них «средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги». Что касается наличных денег, для обустройства на новом месте был установлен лимит «до 500 рублей на семью» (ст. 5). Сберегательные книжки требовалось изымать с передачей в органы НКФина, выдача вкладов, выдача ссуд под залог прекращается (ст. 7). Паи и вклады следовало изымать и исключать владельцев из всех видов кооперации (ст. 8) [11].

Установки высших партийных и советских органов транслировались в директивах региональных партийных органов. Таким, в частности, было инструктивное письмо секретаря Верхне-Камского окружкома ВКП(б) В. А. Казубовского секретарям райкомов партии о порядке проведения мероприятий по «ликвидации кулачества как класса», датированное 17 февраля 1930 г. Оно также содержало подробные инструкции по конфискации «кулацкого» имущества. В частности, рекомендовалось оставлять семьям «выселяемых по 2-й категории» «лишь самые необходимые предметы дальнейшего обихода (белье, теплая одежда, постельные принадлежности, посуда), лесозаготовительный и строительный инструмент на каждого взрослого члена семьи», а также продовольствие на три месяца и деньги в размере не более 250 руб. на семью. На время следования до места расселения оставлялась лошадь, которую далее забирала комендатура. За расселяемыми по 3-й категории (внутри районов на худшие земли) предписывалось сохранять «минимум с/хозяйственного живого и мертвого инвентаря, часть строений и домашние вещи для ведения хозяйства на новых участках». С особой скрупулезностью оговаривались способы воспрепятствовать «кулакам» воспользоваться принадлежащими им денежными средствами. Устанавливалось, что «облигации, сберегательные книжки и другие ценные бумаги у кулаков всех 3-х категорий отбираются», «всякая выдача высылаемым кулацким хозяйствам их вкладов в сберкассах, а также выдача ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации безусловно прекращается», «воспрещается возврат и выдача облигаций по подписке в рассрочку, а также выдача страховых сумм за пожарные убытки и за падеж скота», «вклады и паи кулаков всех 3-х категорий в кооперативных объединениях передаются в фонд коллективизации бедноты и батрачества» [6, д. 276, л. 25-26].

Процедура «раскулачивания» обычно начиналась еще до вынесения окончательного решения. Как правило, уже на следующий день после принятия собранием бедноты решения о «раскулачивании» на дом к обреченному крестьянину являлись члены сельсовета в сопровождении милиционера, которые производили обыск и опись имущества. Описанное имущество оставалось на хранении у крестьянина (если глава семьи отсутствовал, у членов его семьи), расходовать что-либо без особого разрешения запрещалось. Часть имущества могла быть конфискована. «Сперва пришли какие-то незнакомые дяденьки, всё это имущество, какое есть дома, описали, сколько там скота, птицы, ну, в общем, всё. Хорошую одежду записали, мебель...», – вспоминала А. Ф. Беркутова [1, д. 1, л. 6]. Далее, при выселении, описанное имущество оставалось на месте, часть оставшихся вещей и продуктов спецпереселенцам разрешалось взять с собой, иногда в соответствии с утвержденной нормой, иногда – по произволу местных исполнителей.

Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г. ориентировало все парторганизации на строгое соблюдение принципа добровольности в колхозном строительстве, прекратить принудительное обобществление жилых построек, мелкого скота, птицы, закончить с «раскулачиваниями» середняков, членов семей сельских учителей, военнослужащих, бывших красных партизан и т.д. Эти ориентиры легли в основу директив региональных и местных властей по ограничению

административного произвола [6, д. 276, л. 59 - 59 об.]. Более внимательным стало отношение руководителей региональных органов власти к идентификации подлежащих «раскулачиванию». При окрисполкомах заработали комиссии, рассматривающие материалы на «кулаков» 2-й и 3-й категории. Важнейшим ориентиром для них становится размер уплачиваемого сельхозналога. Например, в марте 1930 г. комиссия Пермского окрисполкома рассмотрела около 160 дел, подготовленных для выселения по 3-й категории, утвердив только 51 дело. Остальные были отклонены «как не подпадающие под признаки кулацких хозяйств», на том основании, что эти хозяйства платили сельхозналог в размере 30 руб., 23 руб., или даже 3,78 руб. [5, д. 124, л. 55–57].

Согласно официальным директивам, меры грубого насилия должны были уступить место политической агитации, обещаниям льгот и помощи колхозам, при усилении налогового давления на единоличников. Однако решающую роль продолжали играть принудительные меры. С одной стороны, усилилось налоговое давление на единоличников, они получили повышенные задания по хлебозаготовкам. С другой стороны, и на новом этапе продолжались «раскулачивания», по несколько измененной модели, с меньшей долей стихийности.

Несмотря на строгие предписания партийных и советских инстанций, а также правоохранительных органов о строгом учете имущества «раскулаченных», о недопустимости его присвоения представителями власти или сельскими жителями, отношение к «кулацкому» имуществу на местах часто не соответствовало нормативному. Так, по воспоминаниям А. Н. Пикуневой, которая описывала события со слов очевидцев, после «раскулачивания» их семьи по третьей категории в мае 1930 г. их дом, скот и инвентарь забрали в колхоз, а остальное имущество «разложили на зеленой поляночке, сначала продавали, а потом объявили: “Бери, кто сколько хочет!” И все растащили» [2, с. 53].

Таким образом, изъятие собственности у зажиточных крестьян и части середняков приводит к фактическому уничтожению социальной группы крестьян-собственников. Для политического руководства страны, судя по всему, это становится одной из главных задач социального переустройства советского общества. «Ликвидация кулачества как класса», проводившаяся в начале 1930-х гг., выступает как важнейшая составляющая сталинской социальной инженерии. Отсутствие сколько-нибудь значимой собственности как у городского, так и у сельского населения обуславливает высокую степень его зависимости от власти, которая делает все возможное, чтобы у сельского жителя не было сколько-нибудь значимого достатка.

В этом ракурсе показательно отношение политического руководства к начавшемуся в ходе «раскулачиваний» тотальному грабежу, которое можно охарактеризовать как провокационно-снисходительное. С одной стороны, прямых призывов грабить не звучало, а наиболее распоясавшиеся «экспроприаторы» впоследствии клеймились в печати и привлекались к уголовной ответственности. С другой стороны, директивное подстегивание «ликвидации кулачества», вне правового поля и четких инструкций, подталкивало местных руководителей к радикальным действиям, фактическое отсутствие контроля создавало впечатление полной безнаказанности, поощрение деревенской бедноты частью имущества раскулаченных разжигало низменные инстинкты толпы. После извлечения политических дивидендов в виде разорения миллионов собственников более рациональной политикой становится наведение порядка с помощью наказания наиболее одиозных расхитителей.

Список литературы

1. Архив Пермского Мемориала. Ф. 5. Оп. 10.
2. Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Здравствуй, 1998. 320 с.
3. Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: ООО «Издательский дом “Типография купца Тарасова”», 2010. Ч. 6. Т. 2. 324 с.
4. Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Пермское книжное издательство. 2008. Ч. 6. Т. 1. 356 с.
5. Государственный архив новейшей истории Пермского края (ПермГАНИ). Ф. 2. Оп. 7.
6. ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 7.
7. ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 1.
8. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939 гг.: политика, осуществление, результаты. М., 2006. 315 с.
9. Иванова М. А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 47-67.
10. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Магистр, 1996. 208 с.
11. О выселении и расселении кулацких хозяйств [Электронный ресурс]: Секретная инструкция Президиума ЦИК СССР от 4 февраля 1930 года. URL: <http://bestpravo.ru/sssrf/gn-dokumenty/k4k.htm> (дата обращения: 08.11.2012).
12. О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. // Исторический архив. 1994. № 4. С. 147-152.
13. О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством [Электронный ресурс]: Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. URL: <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm#0724> (дата обращения: 08.11.2012).
14. Общество и власть. Российская провинция. 1917-1940 гг. Пермский край: документы и материалы. Пермь: Банк культурной информации, 2008. Т. 1. 920 с.
15. Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159-167.
16. Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980 гг.: сб. док-в и мат-в. Пермь: Пушка, 2004. 560 с.
17. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. док. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 224 с.
18. Сулов А. Б. Раскулачивание в Прикамье в январе–марте 1930 года // Вестник Пермского государственного университета. Серия «История». 2011. Вып. 3. С. 35-43.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.: документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.

**PEASANT PROPERTY SEIZURE IN PROCESS OF SOCIALIST TRANSFORMATION
OF VILLAGE AT THE BEGINNING OF THE 1930S
(BY EXAMPLE OF PERM' DISTRICT)**

Andrei Borisovich Suslov, Doctor in History, Associate Professor
*Department of Modern and Contemporary Russian History
Perm' State Classical-Pedagogical University
absuslov@gmail.com*

The author considers the process of peasants' property seizure in the course of the campaign of "kulaks liquidation as a class" at the beginning of the 1930s, describes in detail arbitrary rule manifestation at seizure of peasants' property within Perm' district, analyzes the directives of the regional party bodies on the confiscation of kulaks' property and reveals the connection between arbitrary rule in the course of "dekulakization" on-site and Stalin's policy aimed at changing the social structure of the soviet society.

Key words and phrases: "dekulakization"; property; soviet village; repressions; Perm' district.

УДК 323

Политология

В статье автор рассматривает лоббизм с точки зрения экономической парадигмы. Под лоббизмом понимается деятельность специально уполномоченных сотрудников корпораций, а также представляющих их интересы лоббистских фирм и профессиональных ассоциаций. Данная деятельность направлена на повышение интегральной прибыльности и обеспечение устойчивого развития бизнеса за счет выстраивания долгосрочной, комфортной, предсказуемой системы взаимоотношений с профильными для компании политическими стейкхолдерами федерального и регионального уровней. В статье проводится глубинный анализ экономических концепций лоббистской функции.

Ключевые слова и фразы: лоббизм; «цивилизованный лоббизм»; коррупция; концепция скрытого подкупа; бандлинг.

Павел Александрович Толстых, к. полит. н.

Кафедра интегрированных коммуникаций

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

7443421@gmail.com

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЛОББИЗМА[©]

Проблема лоббизма, с точки зрения экономической теории, несмотря на институционализацию данного направления в рамках корпоративных структур, остается в стороне от магистральных исследований. В России этой теме посвящены всего три кандидатские диссертации [1; 2; 19].

Процесс институционализации лоббистской деятельности происходит благодаря формированию специальных подразделений, отвечающих за связи с органами государственной власти (далее - ОГВ). Данные структурные подразделения способствуют сокращению издержек в деятельности компании, стимулируют продажи, осуществляют лоббистские кампании в ОГВ и проч. Кроме того, начиная с 2008 года, данное явление находится в поле зрения высших должностных лиц государства, рассматривающих его в контексте антикоррупционной политики [6; 15].

В рамках экономической теории мы будем рассматривать лоббизм с точки зрения оценки эффективности инвестиций в данное направление. Под инвестициями в лоббизм здесь мы будем понимать: во-первых, внутренние затраты компании, связанные с созданием и оценкой деятельности структурного подразделения, отвечающего за связи с ОГВ; во-вторых, внешние вложения, связанные с финансированием лоббистской кампании, в том числе с целью оценки эффективности привлеченной лоббистской фирмы и/или ассоциации.

Предлагаемый нами подход актуален как для организации, которая только осознает необходимость создания (или хочет провести экономическую оценку уже действующего департамента по связям с ОГВ) соответствующего структурного подразделения и раздумывает о целесообразности увеличения постоянных издержек в контексте их будущей окупаемости, так и для отдельных лоббистских проектов (проведения лоббистских кампаний), для реализации которых необходимы значительные финансовые затраты, связанные с построением коалиции, привлечением внешнего консультанта (лоббистской фирмы), проведением пропагандистской кампании и проч.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что функция по связям с ОГВ имеет большое значение в деятельности организации, а лоббисты оказывают заметное влияние на экономические и управленческие показатели ее деятельности. Данная тенденция приобрела особую актуальность в последние годы. Об этом